

– біртұтас мемлекеттің азаматтары ретіндегі әртүрлі әлеуметтік және этникалық топтардың мәдени интеграциясын қамтамасыз ететін құндылықтарды құру.

Мемлекеттік мәдени саясаттың бүгінгі және таяу келешектегі негізгі мақсаты ретінде елдің саяси, әлеуметтік және экономикалық жаңаруы үшін қажетті алғышарттар дайындай алатындай қоғамның мәдени жағдайын ұстап тұру қажет.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Ғабитов Т.Қ., Мүтәліпов Ж.М., Құлсариева А.Т., Ибекеева С.Е. Мәдениеттану. - Алматы: Раритет, 2007. 416 б.
2. Ерасов Б.С. Социальная культурология. Пособие для студентов вузов. - Москва: «Аспект-пресс», 1996. - 340 с.
3. Мүрсәлім Б. Енді «мәдени даму» бағдарламасын әзірлеу қажет // Айқын. - №102.-2007.-Б. 23.
4. Балтабаев М.Х. Научное обоснование стратегических направлений культурной политики Казахстана // Культура Казахстана: традиции, реальности, поиски. - Алматы, -1998.- С. 20-25.
5. Сатершинов Б.М. Казакстан мәдениетінің тарихы мен теориясының кейбір мәселелері - Алматы, 2002.-160 б.

Редакцияға 10.11.2011 қабылданды.

Б.Н. КАРИПОВ

АНАЛИЗ ИДЕАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО АСПЕКТОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В УЧЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА

The article deals with the philosophical and theoretical approaches of the Russian liberals to address the problem of the relationship between state and society to discover the source, the base value of legal and ethical standards in their philosophical and theoretical concepts, traces the evolution of their views. Armed with a legal and philosophical method to study social phenomena, the Liberals sought to emphasize its independent status in society to determine the social mechanisms and foundations of human freedom. To those mechanisms are primarily attributed power and right. Study on the relationship between man and society was carried on systematically reasoned philosophical and theoretical basis. This methodological approach allowed us to consider human activity as woven into the complex fabric of social relations, which largely determine the nature, scope and focus of the implementation of the historic people's freedom.

В основании либерализма, как известно, лежит идея индивидуальной свободы – атомарной или социализированной личности. Идея индивидуальной свободы, является системообразующей для либеральной доктрины.

Теоретико-методологические основания модели политических изменений русский мыслитель, идеолог Б.Н. Чичерин выстраивал на рационалистических, логико-метафизических началах и считал, что данная интеллектуальная концепция открыла диалектический закон развития мирового бытия посредством выделения противоположностей из первоначального единства и последующего сведения этих противоположностей к высшему единству. То, что связывает два мира и представляет собой сочетание противоположностей, представляет собой дух, который на низшей ступени выступает как целесообразно действующая органическая сила, а на высшей – как мир связанных с органической жизнью субъектов. Эти субъекты, осуществляя идеальные цели в материальном мире, приводят противоположности к высшему соглашению. Конечная цель процесса заключается в абсолютном духе, который руководит всем поступательным движением и окончательно приводит мировое бытие к идеальному совершенству [1, с.196-197].

Для русского мыслителя определяющим началом в познании трансцендентного является разум: «Ни смысла, ни связи явлений опыт нам не раскрывает: связующее начало, не подлежащее внешним чувствам, постигается только разумом» [2, с.8]. Он квалифицирует его, как «отвлеченно-общее начало Вселенной, сознание чистого закона» [2, с.77]. Только априорная чистота определения обуславливает все последующие характеристики разума. Одна из первых его характеристик – формализм, свидетельствующий о выходе разума за границу только практического опыта и позволяющий двигаться посредством умозрительных размышлений к высшему началу, следуя рационалистическому императиву, Б.Н. Чичерин так определяет содержание понятия: «разум есть верховное определяющее начало, как в субъективном, так и в объективном мире, как в бессознательном. Разум есть закон всякого бытия» [3, с.362].

Верховность как всеобщность указывает не только на доминирование рационального начала

в философской концепции русского ученого, но и на то, что закономерности внешнего мира и формализованные правила соответствуют друг другу. Говоря об их соответствии, Б.Н. Чичерин подчеркивал «...воспринятые внешними чувствами впечатления, объединенные внутренними действиями сознающей силы, под умозрительными формами пространства и времени, и проектированные этою силою вне себя, совпадают с реальным существованием вещей. Этим разум определяется, как способность познавать вещи на основании своих собственных законов» [3,с.119].

Размышляя об умозрительном знании, он использовал гегелевские основоположения, однако при этом творчески трактовал и развивал их. Не случайно, известный исследователь русской мысли В.В. Зеньковский, характеризуя научное творчество Б.Н. Чичерина, подчеркивал, что оригинальность его таланта заключается «не в том, в чем он следует Гегелю, а в том, в чем он отклоняется от него. Решающим здесь являются: а) проблема Абсолюта и б) проблема человека» [4,с.159]. По мнению Б.Н. Чичерина, познание Абсолютного осуществляется в силу действия разума через двойкий процесс – соединение и разделение. Мыслитель делал вывод о том, что основными началами разума в процессе познания являются определения единства и множества. В свою очередь, два противоположных определения связываются двумя противоположными путями. Первый путь – сочетание единого и многого, второй путь – отношение единого и многого. «Они образуют общую логическую схему для познания всякого предмета, а тем более для логических операций. Когда анализ дал нам эти четыре начала, мы можем быть уверены, что мы получим полноту логически необходимых элементов познания, а вместе и необходимые отношения» [3,с.7-8].

Начало составляет неделимое единство, а конец – делимое множество, стремящееся обратно к единству. Середину составляют две противоположности – материя и разум, простейшими, единичными силами которых выступают, соответственно, – материальный атом и разумный единичный субъект. Образование единичной мыслящей субстанции при этом резко отличается от происхождения материальных объектов. Единичный разум происходит путем выделения из общей субстанции верховного, или абсолютного, разума, понятие о котором представляет собой исключительно не доказуемое опытом логическое начало. Единичная мыслящая субстанция как простейший элемент абсолютного разума не уничтожается, а лишь выделяется из общей субстанции и снова с ней сливается [5,с.123-125]. Четыре отдельных и независимых друг от друга начала бытия – первопричина, разум, материя и конечная цель, или дух, – «представляются развитием единой Абсолютной Сущности. Единство их лежит в Абсолютном; но в реальном мире они распадаются и остаются независимыми друг от друга» [1,с.62]. Следуя гегельянцам, Б.Н. Чичерин подчеркивал, что его схема идеальна по природе, и потому «она прилагается ко всему, что исследуется разумом. По самой ее отвлеченности, под нее подводится всякое содержание, и этим подведением обнаруживается как полнота, так и логическая группировка подлежащих исследованию элементов» [3,с.15]. Логическая непротиворечивость, всеобщность и системность этой тетрады позволяла использовать ее не только при рассмотрении онтологических вопросов, но и острых социальных тем, различных политико-правовых аспектов. Оригинальность чичеринских универсалий, по оценке Н.О. Лосского, заключалась в том, «что в системе Б.Н. Чичерина промежуточная связь состоит из двух членов, противоположных друг другу» [6,с.158]. Руководствуясь данной формулой, ее автор в процессе познания бытия и форм его отражения акцентировал неизменную сторону, а не ускользающую. Именно сосредоточенность Б.Н. Чичерина на устойчивых элементах бытия стала «исходным пунктом для построения» его «специфической социальной метафизики» [7,с.77].

Для русского мыслителя Абсолютное – символ вечности с присущими ему трансцендентными характеристиками: «Идя от частного к частному, от условного к условному, мы в силу логической необходимости приходим к лежащим в их основании безусловному или абсолютному, которые есть причина всех причин» [3,с.326]. Постулат безусловного распространяется как на трансцендентную, так и реальную сферы бытия, ему присуще активное действие. В этом аспекте русский философ следует завету Аристотеля, одновременно существенно дополняя его «человеческим компонентом». Понятие абсолютного как высшего метафизического и добродетельного начала Б.Н. Чичерин рассматривает как совокупность конкретных мыслящих существ, объединенных рациональным принципом. Находясь во всемирной общности, каждое существо, действуя, выявляет свою принадлежность к Абсолюту, свою личностную ограниченность и свою зависимость от всеобщего. «Таким образом, реальный мир представляет совокупность мысленных единиц, связанных общим законом разума, т.е. вытекающую из разума необходимость, в силу которой происходит самоопределение каждой единицы» [3,с.332]. Основу этого самоопределения составляет высшее, рациональное проверяемое, начало мироздания, абсолютное по природе. Для Б.Н. Чичерина механизмом развертывания всеобщего закона разума

является совместная деятельность личностей, направляемой высшим разумом к заветной мечте, которая есть «согласие в разнообразии». Метафизическое начало в социальной жизни представлялось Б.Н. Чичерину как понимание, появляющееся в связи с осознанными действиями лиц, преследующих и реализующих собственные цели. Поскольку у каждого из них устремления и мотивация являются разными, требуется изначальное, духовное рациональное начало, позволяющее двигаться к высшему единству. Тем самым, на стыке материи и духа, формы и содержания, единичного и всеобщего зарождаются социальные формы человеческой жизни.

Последовательное применение Б.Н. Чичериным онтологических принципов к изучению общественной жизни позволило ему перейти к анализу одной из ее основных форм – человеческой свободы. Он исходил из того, что свобода является сущностным выражением человеческой природы. Соглашаясь с тем, что человек связан с природным миром, он, вместе с тем, указывал и на принципиальное отличие. Мир природы подвержен влиянию объективных законов. В этом мире царит причинно-следственная закономерность. В социальном мире эти законы также присутствуют, но своеобразно проявляются в жизнедеятельности человека. Своеобразие определяется наличием свойства, присущего только человеку – сознанием, духовного качества, поэтому «человек сам себе дает закон и меняет этот закон по своему произволу» [8,с.2]. Сознание, разум и воля превращают человека в активное, деятельное существо: «Существование субъекта как реального единичного существа, лежащего в основании всех явлений внутреннего мира, не подлежит ни малейшему сомнению» [9,с.28]. Наличие субъекта, обладающего сознанием своего «Я» становится для Б.Н. Чичерина императивом и определяет трактовки иных граней человеческой свободы.

Одну из таковых граней составляло соотношение внутренней и внешней свободы. Конфигурацию взаимосвязей между ними Б.Н. Чичерин выяснял с помощью разума, который в данном случае определял как рационально-логическое умение познавать, продвигаясь от «единичного ко всеобщему» и наоборот. На этой основе свобода понималась им двояко: отрицательно и положительно. Отрицательная свобода – как свобода независимых состояний, положительная – как возможность самовыражения. Самовыражение и самоутверждение человека возможно только в мире конкретных обстоятельств и условий. Человек должен был не только учитывать, но и соотносить свои действия с внешней детерминацией. Это тот аспект свободы, где выбор зависел от внешних обстоятельств. Но таковой являлась только одна внешняя сторона свободы. Используя кантовскую терминологию, Б.Н. Чичерин указывал, что ее вторая сторона – внутренний произвольный выбор, определяемый встречным движением сознания и бессознательного. Здесь стоит отметить, что русский мыслитель не просто фиксировал взаимосвязь внешнего и внутреннего выбора, но и внимательно рассматривал его структуру [3,с.123-125]. Первым элементом этой структуры был элемент воления («хотения») [10,с.8], устанавливающий исходный психологический импульс выбора, детерминированный глубиной человеческой психики; определяющий элемент – раскрывающий соотношение в человеке внутренних психологических эмоций и мира определяющих ценностных установок; элемент реализации – фрагмент, характеризующий целеполагание и меры ее реализации и достижения.

Анализ структурных элементов позволили Б.Н. Чичерину дать подробную характеристику содержания внешней и внутренней, правовой и нравственной свободы. Стержень нравственной свободы составляет существование Абсолютного и признание того, что человек своими действиями способен восходить к нему. Ограниченность абсолютной свободы связана с тем, что человеческое творчество свободы – относительно и ограничено. Другими словами, мир практики выявляет относительную меру свободы, но не отменяет свободы воплощения воли человека. «Нравственная свобода перестает быть свободой, как скоро у нее отнимается произвол, то есть возможность противоположного. Для ограниченного существа, заключающего в себе обе противоположности и свободно переходящего от одной к другой, свобода добра неизбежно сопряжена со свободой зла; одна без другой не существует. В Божестве, возвышенном над всякими частными определениями, мыслима только свобода добра; но это происходит от того, что к нему не приложим закон причинности, по которому последующее определяется предшествующим: все его решения вечны. Однако в этом вечном решении заключается и свобода зла, как необходимая принадлежность происходящих от него ограниченных существ» [9,с.51-52]. «Духовная природа личности <...> состоит в свободе; общественное начало, как ограничение свободы, выражается в законе. Поэтому основной вопрос заключается в отношении закона к свободе» [9,с.83].

Правовой закон для Б.Н. Чичерина – это узаконенная форма внешней свободы человека. Аргументируя необходимость правового закона, он исходил из того, что проявление закона в мире природы и общества разное. В животном мире господствует неотвратимая причинно-следственная

связь, социальном – социальные нормы. Человек волен выбирать – принимать или отвергать устанавливаемые обществом порядки. Отличие второго от первого состоит в том, что нарушение порядка ведет к социальному принуждению. «От различного решения этого вопроса зависит двойное отношение закона к свободе: принудительное и добровольное. Первое касается внешних действий, составляющих область внешней свободы, которая одна подлежит принуждению; второе обращается к внутренним побуждениям, истекающим из свободы внутренней. Из первого рождается право; второе составляет источник нравственности» [9,с.83].

Будучи сторонником правовых отношений, Б.Н. Чичерин стремился уяснить социальный генезис правового закона. Продолжая аристотелевскую традицию, он считал, что первоначально права выступают простейшие человеческие потребности. Эти потребности создают тот первый круг жизни и общения, посредством которого человек реализует свое назначение и предназначение. Не забывая о своей исходной посылке – соотношении внешней и внутренней свободы – Б.Н. Чичерин полагал, что объективная необходимость закона обусловлена самой природой. Человек – есть такой субъект Абсолюта, который на каждом историческом этапе существования стремится утвердить и расширить свою свободу. Однако человек живет в обществе, где другие также стремятся реализовать свободу. Неизбежно возникают столкновения и антагонизмы, что может привести к «войне всех против всех» (Т. Гоббс). Чтобы этого не произошло и необходимо введение правового регулирования. По твердому убеждению Б.Н. Чичерина, только право, понимаемое как взаимное ограничение свободы под общим законом, составляет неотъемлемую принадлежность всех человеческих обществ. Право в данном случае рассматривалось не только как способ регулирования человеческого произвола. В рамках права законодательные акты и нормативы выступали одним из наиболее эффективных инструментов гармонизации общественных институтов и отношений. В этом либеральному идеологу виделось продолжение разговора о структуре человеческой свободы – взаимосвязи нравственности, закона и политики. Специфика либерального мышления четко просматривается в отношении к свободе. Дело в том, что свобода рассматривалась Б.Н. Чичериным через призму юридических категорий и связывалась с общественным и индивидуальным сознанием. Благодаря ему были введены в оборот понятия субъективного и объективного права. «Субъективное право, – указывал Б.Н. Чичерин, – есть законная свобода что-либо делать или требовать; объективное право есть самый закон, определяющий свободу и устанавливающий права и обязанности людей. Оба значения связаны неразрывно, ибо свобода только тогда становится правом, когда она освящена законом, закон же имеет в виду призвание и определение свободы» [8,с.34]. Хотя русский мыслитель связывает эти два вида права, все же приоритет он отдает первому – субъективному праву, ибо оно является формой выявления свободы. Чтобы свобода не «зависла» в воздухе, не превратилась только в моральное благодеяние, не содействовала нарушению общественного порядка и безопасности, она должна быть подкреплена властными регулятивами, оформленными правовыми нормами объективного права. Б.Н. Чичерин всегда подчеркивал особо важное значение правовых норм.

Анализ идеального и реального аспектов человеческой свободы в учениях российских либеральных мыслителей логически подводил их к необходимости ответов на следующие вопросы: как творится свобода в условиях общества, каковы социальные основания свободы личности? И, наконец, требовалось ответить еще на один принципиальный вопрос, который можно обозначить, как основной вопрос социологии: что такое «общество»? Согласно С.А. Муромцеву, общество начинается с его системного качества – общественного отношения. Отношением человека к окружающим его предметам и людям он называл возможностью «известного рода событий, которые обусловлены воздействием предметов и людей на человека и человека на них» [11,с.57]. Содержание отношения, т. е. «род возможных событий», определялся свойствами лиц и предметов, связанных с отношением, и свойствами окружающей их среды. Под «свойствами» понимались в данном случае физические и духовные качества, общие и индивидуальные, постоянные, продолжительные, и временные, быстро проходящие. Все подобные свойства, обуславливающие возможность известного рода событий, обозначались как фактические, а обусловленные ими отношения назывались фактическими отношениями. Эти отношения, полагал С.А. Муромцев, являются выражением порядка, установленного природой для проявления воздействия лиц и предметов, или, другими словами, выражением естественных законов материальной и духовной природы.

В свою очередь, атрибутивными элементами отношения являются субъект, объект и среда отношения. Субъектом выступает человек, о возможности действий которого идет речь в каждом данном случае. Под объектом понимается другой человек или иной предмет, который играет пассивную роль в действиях субъекта. В соответствии с этим выделяются активный и пассивный элементы

отношения. Активный элемент состоит в открытой для человека возможности совершения известного рода поступков относительно объекта отношения, размер возможностей самостоятельности субъекта по отношению к объекту; пассивный элемент есть возможность событий, в которых данный человек играет страдательную роль, положение объекта. Обуславливающее действие среды выражается в существовании ряда конкретных отношений субъекта и объекта к отдельным частям среды, влияющей на существование данного отношения субъекта к объекту. И субъект, и объект состоят в каком-либо отношении к каждому деятелю среды. Среда влияет на отношение в форме сопровождающих отношений. Отношение сопровождается другими многочисленными отношениями, каждое из которых, в свою очередь, может быть рассмотрено как главное, сопровождаемое прочими. Мир фактических отношений, мир общества, представляется не механическим целым, а соединением, части которого связаны между собой органическим образом.

Результатом усложнения среды является общественный союз. В своей деятельности, в борьбе с природой и чужими союзами люди устанавливают и подтверждают громадное количество отношений друг с другом. Тем самым образуются различные социальные группы, которые С.А. Муромцев делил на две разновидности: а) кратковременные и специальные соединения и б) постоянные и генетические объединения, к каковым он относил и государство. Защита господствующих в обществе отношений от нарушений внешних и внутренних врагов осуществляется двумя способами: организованно и неорганизованно. Организованная защита осуществляется заранее определенным порядком при помощи особых, специально предназначенных для этого органов. К организованным защитным формам С.А. Муромцев в первую очередь относил право и государство. Таким образом, взяв на вооружение философско-правовой метод изучения социальных явлений, российские либеральные мыслители стремились подчеркнуть самостоятельный статус общества с целью определения социальных механизмов и оснований человеческой свободы. К таковым механизмам они в первую очередь относили власть и право.

Первоочередной интерес вызывают работы либеральных мыслителей, в которых феномен власти анализируется не сам по себе, но и в связи с вопросом о взаимоотношениях государства и личности. В этом плане следует выделить в русской государствоведческой литературе рассматриваемого периода работы Б. А. Кистяковского «Государственное право» и «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права». В этих трудах феномен власти был подвергнут многоаспектному анализу: историографическому, семантическому, социально-психологическому, формально-юридическому. Основу понимания власти Б.А. Кистяковским составляли идеи научно-философского идеализма и неокантианства. Важную роль играла идея должного, выражая сферу социальных норм, целей и идеалов, которые оказывают существенное влияние на деятельность государства. Государство, по мнению Б.А. Кистяковского, являет собой значимую ценность человеческой культуры, имеет своей целью благо и способствует созданию и выработке всесторонних форм человеческой солидарности, развитию лучших сторон личности. Исходный критерий оценки деятельности государства – состояние личности, сущностные признаки государственности – право и власть. Б.А. Кистяковский обзирал целый ряд известных в то время работ как российских, так и зарубежных ученых. Анализируя определенные достоинства и недостатки их позиций и взглядов, он приходил к выводу, что в российской государствоведческой литературе под влиянием общетеоретического и юридического позитивизма стал преобладать формально-юридический подход, что привело к определенной асимметрии. На первый план выдвигались формальные, нормативные принципы и признаки, а сущностные и содержательные – отодвигались на второй план. В результате была затруднена возможность адекватного восприятия реальных противоречивых политических процессов и их соответствующей теоретической оценки. Для преломления наметившейся тенденции, следовало руководствоваться иной исходной позицией: поставить «вопрос о существовании государственной власти» не в плоскость «государственно-правовой догматики», а рассмотреть его в плане «общего учения о государстве». «Для государства имеют значение все стороны власти и все составные элементы ее, и потому исследование должно быть направлено на проблему власти в целом» [12, с.260,275].

Для Б.А. Кистяковского рассмотрение этой проблематики начиналось с вопроса о происхождении и смысле термина «власть». По его мнению, попытки увязать происхождение слова «власть» с силовой концепцией государства не увенчались успехом. Б.А. Кистяковский высказывал предположение, что своими истоками этот термин связан с праримскими выражениями типа «царская власть», означающими человека, устанавливающего правила [13, с.249].

Авторитетность как смысловое выражение термина «власть» означало для Б.А. Кистяковского основу социально-психологической трактовки власти. В социально-психологическом смысле

власть зарождается там, где при отношении двух или нескольких лиц «одно лицо благодаря своему духовному, а иногда телесному превосходству, благодаря качествам своего характера и своей энергии занимает руководящее и господствующее положение, а другое лицо, становясь в зависимое положение, следует за ним» [12,с.275]. В этом смысле социально-психологические явления господства и подчинения составляют общее основание любого властвования. Таков его субстратный, постоянный, статичный элемент. В таком виде он присущ различным общественным союзам, начиная от самых простых и заканчивая наиболее сложными. Социально-психологическая трактовка, таким образом, продемонстрировала истоки и субъективную мотивацию властного поведения людей, коренящиеся в сознании и подсознании людей.

Социально-психологический признак власти являлся важным, но не единственным. Динамику власти обстоятельно раскрывают базисные факторы исторического развития. К ним относятся материальная мощь и военное превосходство, экономическое богатство и аппаратные структуры, расовое давление и социально-классовое противоборство. Взаимосвязь и взаимодействие между ними показывает, как протекает процесс властвования, обозначает основные ресурсы власти, освещает механику и технологию смены одних политических систем другими. Исторический подход к осмыслению власти логически выводил Б.А. Кистяковского на принципиально новый социологический уровень. В этом аспекте он рассматривает власть как свойство социальной организации и способ самоорганизации человеческой общности, основанной на целесообразности разделения функций управления и исполнения. В этом отношении социум представлял собой разветвленную сеть вертикальных и горизонтальных общественных отношений, где индивид занимает свое определенное место. Чтобы не нарушить жизнедеятельность общественного организма в целом и дать возможность людям исполнять разнообразные статусно-ролевые функции, требовались властные механизмы влияния и организации. С их помощью наводится общественный порядок, предпринимаются усилия по реализации перспективных планов и важных стратегических целей.

Структурно-функциональная интерпретация власти у Б.А. Кистяковского также была связана с пониманием этого феномена как предмета конкуренции групповых интересов. Группа не может стать участником конкуренции за власть, если не сумеет организовать систему представительства интересов принадлежащих к ней граждан. Участие в борьбе за власть обязательно требует институционального представительства, системного производства социально-правовых производств, одобряемых общественным контролем. В эпицентре этой борьбы находится государственная власть, ибо только она окончательно легитимирует групповые признания субъектом притязаний. Становится понятным, что ее завоевание, удержание и использование дает легальную возможность распределять основные общественные ресурсы, устанавливать допустимые и общепринятые «правила игры». Государственная власть обеспечивает тем самым ее носителям выгодное положение и превращает принятые ими решения в общеобязательные. В силу этих обстоятельств государственная власть выступает одной из наиболее влиятельных в структуре политической власти. Регулятивная функция власти определяет порядок отношений людей между собой, в обществе и государстве. Главным образом это касается внешних отношений людей. Здесь в действие вступает формально-юридическая сторона государственной власти, что означает отношение между волей, олицетворяющей собой волеизъявление высшей государственной власти, и многочисленными волями, подданных и должностных лиц, состоящих на службе у государства, иными словами – исполнителей волевых импульсов со стороны власти [12,с.270]. Государственная воля имеет обезличенный характер; она выражается в правовых нормах и определенном механизме их применения.

Легитимность власти, считал Б.А. Кистяковский, обусловлена не только принятыми формализованными правилами. Не менее важно для власти и ее нравственное оправдание. Это оправдание может заключаться или в величии и славе народа и государства, что наблюдается в абсолютистско-монархических государствах, или в упрочении правового и общественного порядка, что можно видеть в правовых и конституционных государствах, или в регулировании экономической жизни, или в удовлетворении наиболее важных материальных и духовных потребностей граждан, что составляет задачу социального государства. В современных для Б.А. Кистяковского условиях господствующей оказывалась правовая идея, суть которой выражалась в том, что все действия власти должны были обуславливаться и регулироваться правовыми нормами. В правовом государстве лица, облеченные властью, должны были подчиняться правовым нормам в равной мере, как и лица, власть неимущими. Власти предрержащие также являются исполнителями предписаний, заключенных в установленных нормах, как и все остальные граждане. Сама власть выступала для них не столько областью их субъективного права, сколько их непосредственной правовой обязанностью. Такую

обязанность они должны были исполнять, осуществляя функции власти как известное общественное служение. Исключительные полномочия предоставлялись им не в личных интересах, но в интересах всего народа и государства. В конечном итоге власть, по определению Б.А. Кистяковского, означала не «господство лиц, облеченных властью, а служение этих лиц на пользу общего блага» [12,с.282].

В основе особого внимания к праву как социальному явлению и одному из главных регуляторов во взаимоотношениях государства и личности, лежал процесс вхождения в активную общественную жизнь представителей новых социальных слоев. Этот процесс зачастую проходил болезненно, порождая противоречия и конфликты между властью и гражданами.

Принцип личности и ее безусловного значения составлял предпосылку понимания политики и права П.И. Новгородцевым. Однако в отличие от Б.Н. Чичерина он выстраивал систему аргументации этого принципа на основе иной методологической школы – неокантианской. Принцип безусловного значения личности, по П.И. Новгородцеву, имел абсолютную, рационально-нравственную форму и относительное, конкретно-историческое содержание. Императивность личности олицетворяли ее разум и сознание внутреннего долга. Единственно оправданная цель и идеал социального развития заключались в бесконечном развитии и совершенствовании личности. Общественный идеал по своей внутренней структуре являлся абсолютным; он представлял собой всеобщий свободный универсализм, где свобода, равенство и всеобщность объединения лиц сочетались в свободной солидарности всех. Либерально ориентированный мыслитель полагал, что в преломлении к социальному процессу абсолютный идеал неизменно выступает масштабом и мерилom критической оценки общественных отношений и различных социальных институтов, что в нем всегда разграничены нравственная и политическая стороны. Подобного рода антиномии между личным и общественным, между нравственностью и политикой могли быть преодолены лишь при осознании того факта, что общество является конкретным взаимодействием свободных людей, а власть и право – гарантом социального мира и свободы личностей.

Разработанный русским мыслителем принцип морально-этического императива позволил показать не только расхождение между политической сферой, правовой и моральной системами, но и их взаимосвязь на основе идеи естественного права. Руководствуясь этим принципом, П.И. Новгородцев создал новый масштаб критического рассмотрения реального законодательства и политики. Естественнo-правовая идея с постоянно развивающимся содержанием дала возможность преодолеть в то время ограниченность историко-социологического подхода к анализу политического процесса. Эта идея также облегчала разработку методов критической оценки действующих законов и политических институтов. Вооружившись этой идеей, политики-практики и теоретики не хотели занимать позицию «простых наблюдателей исторического процесса» [14,с.257] и стремились создать продуктивный политико-правовой проект. Они не желали более продолжать роль апологетов действующей власти, а намеревались раскрыть истинное лицо политической элиты. Моральный максимализм предполагал свободную деятельность. Предложенная П.И. Новгородцевым трактовка морали как принципа внутренней человеческой свободы логически и идейно продолжала традицию немецкого этического рационализма. Его представители сформулировали ряд постулатов, позволивших говорить о взаимосвязи морально-нравственных и правовых принципов и тем самым усиливших аналитическую функцию права. Благодаря этому отпала необходимость рассматривать наличную политико-правовую реальность как высшую ценность, появилась возможность выхода за ее границы. Естественнo-правовой подход содействовал разработке критериев определения параметров будущего политического строя.

Политико-философские идеи оппонентов либеральной идеи русский мыслитель называл «философией легального деспотизма» [15,с.404]. Основной изъян этой политической философии виделся ему в апологии власти предрежащих, иными словами, – в отрыве правовой нормы, жестко закрепленной системой позитивного законодательства, от морального предписания. П.И. Новгородцев наглядно демонстрировал, что включение идеи естественного права в государственную науку требует неперемных преобразований. Существо этих необходимых перемен заключается в признании того факта, что государство не является самоцелью общественного развития, что над ним располагаются некие высшие нормы, которым ему надлежит подчиняться, которые сами по себе могут служить и оправданием, и руководящим началом для государственного организма. Государство по отношению к этим нормам выступает всего лишь частью, а не целым, органом, а не творцом: «оно также мало создает субстанциальные основы права, как мало создает оно драгоценные металлы, из которых чеканит монету» [15,с.411].

Этическая норма, стоящая над государством, не может быть продуктом государственного волеизъявления и, следовательно, не может быть продуцирована, декретирована, властью. Она

выступает как принцип естественного права, сдерживающий деятельность государства. Указание на пределы государственного властвования, следующее из естественно-правовой конструкции государства, позволяет определить, насколько в государственной жизни воплощаются нравственные принципы, составляющие дух и начало правопорядка. Разумеется, такая конструкция государства не отражала его фактического облика, его обыденной жизни с борьбой социальных сил и политических направлений. Утверждение нравственной обязанности власти и путей ее самоограничения «лишь» открывало простор для реализации прав свободной личности.

Таким образом, российскиелибералы-государствоведы в своих работах исходили как из разграничения права и нравственности, так и их взаимодополнения. В человеческой жизнедеятельности право и нравственность выступали как два кодекса правил и требований, поддерживающих определенный строй и ритм общения и содержащих ориентиры для проявлений человеческой индивидуальности. Соглашаясь с оценками современных исследователей о том, что в российском государствоведении «наибольшую чуткость к вопросам соотношения права и морали проявили правоведы либеральной ориентации» [16, с.114], подчеркнем тот факт, что право и нравственность являлись для них значимыми не сами по себе, но и как исходные, базовые формы воздействия на общественные отношения и политические институты. Изучение вопроса о взаимоотношениях человека и общества осуществлялось в трудах российских либеральных мыслителей на системно аргументированной философско-теоретической основе. Такой методологический подход позволил рассматривать жизнедеятельность человека как вплетенную в сложную ткань общественных отношений, которые во многом определяют характер, объем и направленность реализации исторической свободы людей. Состояние и перспективы человека в немалой степени зависят от его психологических характеристик; как элемент в цепи поколений он в своеобразной форме – индивидуально и лично – воспроизводит многие родовые качества человека. Чтобы эти качества перешли из потенциального состояния в актуальное и закрепились в политическом поведении, требуется социальная практика, посредством которой человек превращается в неповторимую личность и активного участника социально-политических процессов. В системе значительных элементов общественной практики важное место принадлежит властно-юридическим институтам, ибо от них зависит уровень и качество порядка, мира и безопасности. А тем самым, и возможностям свободного развития каждой человеческой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чичерин Б.Н. Вопросы философии. - М.: Типо-литография Товарищества «И.Н. Кушнерев и Ко», 1904. -386 с.
2. Чичерин Б.Н. Наука и религия. - М.: Типо-литография Товарищества «И.Н. Кушнерев и Ко», 1901. - 496 с.
3. Чичерин Б.Н. Основания логики и метафизики. - М.: Типо-литография Товарищества «И.Н. Кушнерев и Ко», 1894. - 373 с.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. -Т.2. Ч.1. - Л.: Эго, 1991. - 280 с.
5. Чичерин Б.Н. Положительная философия и единство науки. - М.: Типо-литография Товарищества «И.Н. Кушнерев и Ко», 1892. - 428 с.
6. Лосский Н.О. История русской философии. - М.: Высшая школа, 1991. - 560 с.
7. Осипов И.Д. Философия русского либерализма XIX – начала XX в. - СПб.: Санкт-Петербургского университета, 1996. -193 с.
8. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Ч.1. - М.: Типо-литография Товарищества «И.Н. Кушнерев и Ко», 1882. - 468 с.
9. Чичерин Б.Н. Философия права. - М.: Типо-литография Товарищества «И.Н. Кушнерев и Ко», 1900. -357 с.
10. Левицкий С.А. Трагедия свободы // С. А. Левицкий. Соч.: В 2 т. Т.1. - М.: Канон, 1995. - 512 с.
11. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. - М.: Типография «А.И. Мамонтова и Ко», 1879. - 250 с.
12. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. - СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. - 800 с.
13. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. - М.: Прогресс-Универс, 1995. - 456 с.
14. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. - М.: Московского психологического общества, 1902. - С.236 – 296.
15. Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. Кн. 74. - М.: Изд-во: Магазина «Книжное дело», 1904. -С.397-450.
16. Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. - 1998. - № 8. - С.114 – 119.

Поступила в редакцию 13.10.2011.